

Алексей Пензин, Мария Чехонадских, Кети Чухров

Введение: Античность и современность советского марксизма

Фредрик Джеймисон однажды заметил, что марксистская традиция по своей значимости и исторической дистанции уже стала нашей античностью. Эта дистанция позволяет нам взглянуть на нее со стороны и переосмыслить для нашего времени. Это справедливо и для наиболее парадоксального варианта этой традиции — советского марксизма. Однако существуют особенности, отличающие его от «классической античности» марксизма. Так, даже получившие международную известность работы советских авторов (Выготский, Бахтин и др.) не воспринимаются в рамках единой традиции и практически никогда не связываются с марксизмом и наследием 1917 года. Благодаря этому может возникнуть впечатление, что Октябрьская революция 1917 года, хотя и была признана ключевым событием «короткого XX века», так и не оставила после себя общезначимого и цельного теоретического корпуса. В самом деле, довольно трудно очертить исследовательское поле этой традиции, и поэтому оптика исторической дистанции как раз и может способствовать пониманию единства и богатства ее внутренних различий.

Если в 1920-е и 1930-е годы в лице таких ведущих западных марксистов, как Дьердь Лукач и Вальтер Беньямин, реализовывалось плодотворное международное взаимодействие с постреволюционной теоретической культурой, то после Второй мировой войны в условиях холодной войны советская мысль была известна лишь в качестве экзотического объекта под названием «восточный» и «советский» марксизм. В рамках предполагаемой дихотомии «западному» марксизму обычно приписывался безусловный творческий статус, тогда как советский марксизм рассматривался сквозь призму догматизма и сталинского диамата. Советская философия получила международное представительство в основном в лице советологии или славистики. Однако оптика этих исследований, зачастую колониальная и экзотизирующая, в лучшем случае встраивала

советский марксизм в узкие рамки интеллектуальной истории, а в худшем — подчиняла его целям чисто идеологического использования, полностью отрывая от актуальных философских дискуссий. Наконец, все достижения советской мысли, как казалось, исчезли в агрессивном антикоммунистическом дискурсе, который чеканили диссидентские круги СССР и Восточной Европы до и после распада Советского Союза. Но были и исключения. Например, марксисты, философы и интеллектуальные историки, как в странах бывшего СССР, так и в международном сообществе, в последние десятилетия возобновили обсуждение работ некоторых ключевых фигур советской мысли, таких как Эвальд Ильенков. Тем не менее большая часть этих работ все еще остается в сфере интереса узких специалистов, а сама область исследования советской философии все еще испытывает недостаток новых подходов, которые могли бы сделать ее более открытой для широкой современной аудитории, интересующейся радикальной философией и интеллектуальным наследием «советского эксперимента».

Лучшие образцы советской мысли, родившейся в «большом взрыве» Октябрьской революции, были не менее радикальными, экспериментальными и эвристическими для своего исторического времени, чем, например, «Негативная диалектика» или «Анти-Эдип», и, возможно, с их критическим отношением к западному марксизму, они предвосхитили современное положение дел. Сегодня часто возникает ощущение, что «мысль 68 года» исчерпала себя, она ассимилирована культурой позднего капитализма, тогда как мысль постфранкфуртской школы выглядит слишком меланхолической и анемичной и потому не способна реагировать на текущую политическую и интеллектуальную повестку дня. Глобальная ситуация продолжающегося экономического и политического кризиса, а также кризиса идей в пределах бывшего «западного» марксизма и радикальной мысли, подвергающихся давлению новых версий «спекулятивной» и аполитичной философии, определяет неотложную задачу освещения и продуктивного переосмысления советской теории.

Современное прочтение философских проблем советской мысли является характерной чертой статей этого выпуска «Стасиса». Паскаля Северака эта задача вдохновляет на основательное параллельное прочтение Спинозы и Выготского, которое в итоге производит плодотворную интервенцию в дискуссии о сознании и аффекте, а Артемия Магуна — на анализ теории антропогенеза Бориса Поршнева, основанной на понятиях суггестии и контрсуггестии, которая, по мнению автора, внесла оригинальный вклад в философскую теорию негативности. Известный итальянский философ Антонио Негри представляет фундаментальный текст о наиболее значимом советском теоретике права 1920–30-х годов Евгении Пашуканисе. Вместе с новым послесловием, написанным специально для этой

публикации, текст дает представление о собственной политической философии Негри, которая наряду с другими задачами занимается анализом институционально-правовой структуры глобальной «Империки». Похожее направление принимает и беседа Алексея Пензина и Кети Чухров с выдающимся постсоветским философом Валерием Подорогой. В беседе рассматриваются вопросы политического и интеллектуального контекста позднесоветской мысли и предпринимается попытка классифицировать основные ее дискурсы, доказать их содержательное богатство и многообразие и в то же время спроецировать их основные черты на современные дискуссии.

По своей сути советская теория была в первую очередь вариацией гегельянского марксизма, но в рамках этой теории творчески пересматривались как существующие идеи, так и новые теории, возникшие в атмосфере великого социального эксперимента. Уже в 1920-е годы советские мыслители начали формулировать дилеммы, которые попали в фокус «западной» марксистской философии намного позже — лишь в 1960-е годы начали обсуждаться такие вопросы, как «Гегель или Спиноза?» или «Диалектика или имманентность»? Как показывают в своих статьях Андрей Майданский, Алекс Левант и Мария Чехонадских, такие советские мыслители, как Выготский и Ильенков, творчески разрешали эти дилеммы, пытаясь предложить метод, который позволил бы избежать ловушек этой альтернативы — через марксистскую антропологию труда и теорию деятельности, а также при создании новой материалистической онтологии. В области эстетики советские теоретики также были способны на смелые и амбициозные утверждения, предпринимая радикальную критику модернистской культуры. В первую очередь это отражено в работах Михаила Лифшица, друга Дьердя Лукача, чье творчество обсуждается в диалоге «Маркс против марксизма, марксизм против Маркса». Ильенков и Лифшиц могут быть названы «верными ленинцами» в философии — учитывая их воинствующий интернационализм, бескомпромиссную полемику с идеологиями позитивизма и изошренными соблазнами капиталистического модернизма своего времени. Эта полемика все еще интересна и актуальна для современных дискуссий. Важно отметить, что формирование советского марксизма в 1950-е и 1960-е годы трудно понять вне контекста интеллектуальной полемики о материализме и монизме до и после Октябрьской революции. Именно поэтому Евгений Павлов обсуждает провокационный синтез эмпиризма и марксизма, осуществленный Александром Богдановым в политическом и теоретическом споре с Лениным.

Советская философия, в отличие от «западного» марксизма, не отталкивалась от посткантовской идеи критики — в частности, от критики буржуазной культуры и общества. Ее конструктивно-теоретический характер возник на основе революционного разрыва

Введение: Античность и современность советского марксизма

1917 года — разрыва со старым обществом царской империи и остальным капиталистическим миром. Тем не менее философский проект нового мира основывался на наследии классиков международной материалистической мысли. Подобным же образом редакторы и авторы этого выпуска стремятся подчеркнуть разрыв с сохраняющимися нарративами холодной войны, восстановить диалектику старого и нового, связать «античность» советской мысли с современностью и ее политическими и теоретическими вызовами.

Особую радость соредакторам и авторам выпуска доставляет факт публикации их работ в год столетия Великой Октябрьской революции.

Перевод с английского Марии Варламовой